

Письма съ войны подпоручика Л.-Гв. пѣхотнаго полка къ отцу.

1.

20 іюля 1914 г.

Только сегодня удалось мнѣ найти свободные полчаса, чтобы написать тебѣ. Ты уже знаешь, что у насъ объявлена всеобщая мобилизація. Еще недавно было все спокойно, а на дняхъ подъ проливнымъ дождемъ мы выступили изъ Краснаго Села. Сразу послѣ перехода началась лихорадочная работа приготовления полка. Настроение массъ самое патріотическое; на улицахъ офицеровъ и солдатъ качали, кричали „ура“, и передъ собраніемъ полка происходили демонстраціи. Я проѣзжалъ черезъ толпу, люди вскакивали на подножки пролетки и цѣловали мои погоны. Толпа хотѣла меня нести, и только мое заявленіе, что я ѣду въ роту по службному дѣлу, спасло меня отъ триумфальнаго шествія.

Городскія забастовки, принявшія кровавый оттенокъ, прекратились какъ по волшебству. По объявленіи мобилизаціи вся сложная военная машина пришла въ стройное движеніе, и все идетъ плавно, по распisanію. Дѣла масса: нужно закупить необходимыя вещи въ походъ; шелковое бѣлье противъ паразитовъ, предметы снаряженія и обмундированія—все это дѣлается урывками, когда есть свободный часъ.

Крѣпко тебя цѣлую. Не тревожься и не безпокойся обо мнѣ. Богъ милостивъ! Я иду сражаться за правое дѣло. Благослови меня заочно на ратный подвигъ. Иду съ твердой вѣрой въ Бога, въ русскую мощь и въ успѣхъ нашего дѣла! Господь съ тобой!

2.

31 іюля 1914 г.

На дняхъ мы выступаемъ въ походъ. Я подготовился къ нему всячески: всѣ нужныя покупки сдѣланы; сегодня вечеромъ былъ напутственный молебень. Гр. Н. Ф. благословила меня образомъ; завтра утромъ я говѣю и тогда вполнѣ буду готовъ къ походу. Прости мнѣ всѣ хлопоты и заботы, которыя тебѣ доставлялъ. Благодарю тебя за все, все. Благодарю за твое желаніе устроить меня въ штабъ, но ты знаешь, что я не согласился бы въ такое время оставить роту. Крѣпко тебя обнимаю. Молитесь за меня.

3.

9 августа 1914 г.

Пользуюсь своей поѣздкой въ В., чтобы дать о себѣ вѣсточку. Телеграмму мою, надѣюсь, ты уже получилъ. Ты не можешь представить себѣ, какъ пріятно было вымыться въ хорошей ваннѣ, послѣ недѣльнаго путешествія, и надѣть чистое бѣлье. В. мнѣ очень нравится. Городъ красивый и чистый съ отпечаткомъ самобытности. Народъ относится къ русскимъ и къ военнымъ въ особенности съ необыкновенной предупредительностью и радушіемъ. Число добровольцевъ очень велико. Всѣ они горятъ желаніемъ сразиться съ „пшеклентными швабами“. Я очень хорошо устроился, живу въ палаткѣ съ товарищемъ. У меня имѣется все, что нужно для относительнаго удобства и даже комфорта: походная постель, спальный непромокаемый мѣшокъ, фланелевыя простыни и проч. Жители рассказываютъ о звѣрствахъ нѣмцевъ. Я не ожидалъ, что народъ, который считалъ себя вѣнцомъ цивилизаціи, до такой степени напомнить нашествіе гунновъ. Населеніе Польши покидаетъ города и села, гдѣ можно ожидать прибытіе нѣмцевъ, такъ какъ они однихъ разстрѣливаютъ, а другихъ угоняютъ въ Германію на принудительныя работы и даже на франко-бельгійскій театръ военныхъ дѣйствій.

4.

15 августа 1914 г.

Сегодня мы выступаемъ дальше въ походъ, слава Богу! Намъ уже всѣмъ надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ. Съ фронта поступаютъ свѣдѣнія о нашихъ повсемѣстныхъ успѣхахъ.

Вчера въ В. видѣлъ раненыхъ изъ-подъ Мариенбурга въ бою 10-го, гдѣ наша дивизія взяла въ штыки укрѣпленную позицію нѣмцевъ, на которой швабы рассчитывали долго обороняться. Я здоровъ и чувствую себя прекрасно. Сегодня будемъ въ непосредственной близости отъ врага.

5.

1 сентября 1914 г.

Всѣ эти дни, начиная съ 20-го, не имѣлъ возможности тебѣ написать, такъ какъ участвовалъ въ непрерывныхъ бояхъ съ австрійцами. 19-го подъ вечеръ насъ спѣшно двинули навстрѣчу врагу. На утро другого дня мы уже вступили въ бой. Оказалось, что противникъ рѣшилъ корпусомъ обойти нашъ лѣвый флангъ. Армія наша, уступавшая по численности австрійской, была кромѣ того утомлена боями съ 4-го. Тогда рѣшено было выдвинуть гвардію, и мы оправдали надежды, на насъ возлагавшіяся, и нашу старую славу. Къ 4-мъ часамъ дня центръ вдвое сильнѣйшаго противника былъ нами прорванъ и разбитъ. Весь австрійскій корпусъ обратился въ бѣгство, оставляя въ нашихъ рукахъ трофеи въ видѣ оружія, плѣнныхъ и припасовъ. Съ этого дня начинается наше непрерывное наступленіе и отходъ австрійцевъ, болѣе похожій на бѣгство. Только одинъ разъ мы задержались на 2 дня передъ ихъ укрѣпленной позиціей, но и ту мы взяли приступомъ 22-го. Здѣсь мнѣ удалось забрать въ плѣнъ начальника укрѣпленной позиціи—венгерскаго маіора. Съ 25-го я командую ротой, замѣняя Х., который раненъ. Вообще потери въ офицерскомъ составѣ у насъ не малыя.

Теперь стоимъ на австрійской границѣ. Третьяго дня взяли съ боя городъ Я., при чемъ моя рота ворвалась въ него первой на плечахъ отступающихъ нѣмцевъ, пришедшихъ помогать австрійцамъ. Нужно сказать, что какъ тѣ, такъ и другіе „здорово“ бѣгаютъ. Въ этомъ бою нѣмцы потеряли весь свой армейскій обозъ—болѣе 1.500 повозокъ. Послѣднія двѣ ночи сплю подъ крышей, а то все подъ чистымъ или не чистымъ небомъ. Бывало всяко: и холодно, и мокро, и голодно, и жарко. За недѣлю я ни разу не мылся! Теперь привыкъ.

6.

4 сентября 1914 г.

Пользуюсь оказіей, чтобы написать тебѣ два слова. По милости Божіей я живъ, здоровъ и невредимъ. Сегодня второй день мы отдыхаемъ. Странно не слышать надъ собой разрывныхъ австрійскихъ шрапнелей и бомбъ и свистъ ихъ пуль часто разрывныхъ. Имѣю къ тому свидѣтельство въ видѣ лентъ пулеметныхъ патроновъ. Мой ротный былъ раненъ такой пулей.

Сегодня я вымылся, переодѣлся и выспался; прошлую ночь пробовалъ спать въ хатѣ. Но меня выгнали оттуда блохи, въ 10 минутъ искусавшія меня такъ, что мое тѣло представляло изъ себя сплошной волдырь. Какъ могутъ въ такой обстановкѣ жить люди?

Стоимъ на самой границѣ Австріи у города К. на рѣкѣ Санѣ. Письмо это везетъ до Питера больной офицеръ.

Боязнь за себя въ бою совершенно отсутствуетъ; боишься за вѣранныхъ людей. А бывали минуты, когда думалъ, что всѣ тутъ и ляжемъ. Особенно при взятіи высотъ у Кр. 20-го сентября. Къ счастью австрійцы не выдержали и побѣжали.

7.

27 сентября 1914 г.

Получилъ твое письмо № 2. № 1 еще до меня не дошелъ. Но это и не мудрено: мы такъ много разъ мѣняли направленіе, что не удивительно, если письма не доходятъ своевременно.

Здѣсь противники распространили слухъ, что будто Японія объявила войну намъ и Англіи. Въ своихъ прокламаціяхъ они совѣтуютъ бѣжать защищать наши очаги отъ нашествія азіатовъ. Съ 23 числа мы стоимъ на мѣстѣ и караулимъ нѣмцевъ. Ни одинъ воробей не перелетитъ на нашу сторону. Противникъ видимо не знаетъ, что у насъ на этой сторонѣ рѣка. На дняхъ ожидаемъ большихъ боевъ.

Чувствую себя прекрасно. Настроеніе бодрое. Уже начали немного страдать отъ холода по ночамъ, даже въ домахъ. Выписалъ себѣ свои караульные сапоги. Живу въ одномъ домѣ съ батальоннымъ и еще двумя офицерами.

8.

25 октября 1914 г.

Пользуюсь отъѣздомъ въ Питеръ денщика моего раненаго товарища, чтобы съ нимъ отправить тебѣ это письмо.

Я участвовалъ въ четверодневномъ бою подъ И., гдѣ австрійцы навалились на насъ большими силами и дрались очень упорно. Но съ 10-ою по 13-ю мы сбили ихъ съ двухъ укрѣпленныхъ позицій и погнали. Послѣ этого участвовали еще въ нѣсколькихъ мелкихъ арьергардныхъ бояхъ 20-го и 21-го у поселка Л. и 22-го, когда моей ротѣ удалось обойти лѣвый флангъ противника, выгнать австрійцевъ съ высоты, на которой они держались. Когда мы заняли высоту, только-что брошенную австрійцами, видно было, какъ отовсюду собирались ихъ части и строились въ колонны. Мы дали имъ спокойно собраться и, когда колонна увеличилась челобѣкъ до 400, мы ее обстрѣляли залпами. Нужно было видѣть, какъ это на нихъ подѣйствовало! Просто весело было смотрѣть. Послѣ перваго же залпа въ колоннѣ замѣтно было замѣшательство, а послѣ втораго они, какъ мыши, стали разбѣгаться. До насъ доходили крики офицеровъ, которымъ удалось собрать нѣсколько десятковъ челобѣкъ вокругъ себя, и они стали отвѣчать намъ беспорядочнымъ огнемъ, который не причинилъ намъ ни царапинки. Мы же для устрашенія продолжали катать по нимъ залпами. Дѣло было подъ самый вечеръ, и это спасло австрійцевъ отъ полнаго уничтоженія, такъ какъ быстро наступившая темнота заставила насъ прекратить огонь. Теперь мы уже верстахъ въ 60-ти отъ К. Австрійцы и германцы въ полномъ отступленіи и при томъ беспорядочномъ: они бросаютъ все: повозки, зарядные ящики, патроны сотнями тысячъ и снаряды самыхъ крупныхъ калибровъ.

Только-что до насъ дошелъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Передъ моими глазами рисуется грандіозное будущее Россіи. Вѣдь эта война можетъ разрѣшить всѣ волновавшіе въ теченіе столѣтій Европу вопросы. Оказывается, что турки напали на насъ вѣроломно. На начинающихъ Богъ. Духъ въ войскахъ самый бодрый и хорошій. Солдаты чувствуютъ, что чѣмъ мы сильнѣе треплемъ врага, тѣмъ скорѣе кончится эта война—и рвутся въ бой. Во время сраженія приходится все время сдерживать ихъ порывъ, чтобы даромъ не нести потерь. При этомъ надо помнить, что сначала кампаніи мы прошли болѣе 800 верстъ съ боями. Часто по нѣсколько дней мы не

имѣли хлѣба, такъ какъ интендантство не поспѣвало за нами; ночуемъ зачастую въ окопахъ, мерзнемъ, мокнемъ, недосыпаемъ. Но видно, ничто не сломитъ духа нашей арміи. Войска переполнены добровольцами, которые по духу великолѣпны (но, конечно, хуже по боевой подготовкѣ). У меня въ ротѣ три чухонца, не понимаютъ ни слова по-русски, но поразительные по своему хладнокровію и выносливости. Къ намъ прибѣжалъ изъ дому 12-ти лѣтній мальчикъ, котораго нельзя было уговорить отправиться домой.—Подносятъ патроны.

У австрійцевъ же все наоборотъ—славяне толпами сдаются въ плѣнъ нашимъ одиночнымъ развѣдчикамъ. Венгры тоже сдали, и въ нихъ нѣтъ прежняго упорства. Они производятъ страшныя безчинства всюду, гдѣ проходятъ, и обращаются крайне жестоко съ мѣстными жителями и нашими плѣнными. Въ поселкѣ Л—вѣ мною былъ найденъ плѣнный казакъ 52-го полка, которому венгры сожгли сѣномъ руки и лицо. Другой казакъ былъ найденъ товарищами съ перерѣзанными сухожиліями колѣнъ и локтей. Къ этому прибавляется то, что они стрѣляютъ разрывными пулями, которыя наносятъ ужасныя раны. Я видѣлъ, въ какихъ мученіяхъ умеръ одинъ нижній чинъ моей роты, раненный такой пулей; я никогда этого не забуду, какъ не забуду замученнаго казака, изнасилованныхъ женщинъ, избитыхъ дѣтей!

Я, слава Богу, здоровъ. На ночь если не въ окопахъ, мы обыкновенно становимся въ халупахъ, по деревнямъ. Денщики живо выносятъ всякую рухлядь, моютъ и чистятъ, и мы устраиваемся довольно удобно. Въ окопы же нижніе чины всегда на ночь натаскаютъ соломы—хотя и холодно, но терпимо.

9.

31 октября 1914 г.

Насъ всѣхъ порадовало извѣстіе о паденіи крѣпости Циндао, такъ легко взятой японцами. Теперь имъ остается поймать проклятаго „Эмдена“, который потопилъ нашего славнаго „Жемчуга“. Конечно, съ точки зрѣнія военной этотъ крейсеръ не представляетъ изъ себя чего-либо особенно цѣннаго, будучи старой постройки и со слабымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ. Но за него надо отплатить врагу какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ мы стоимъ въ 18-ти верстахъ отъ К—скихъ фортовъ. Австрійцы, разбитые подъ И., спрятали тамъ свои деморализованные и составленные изъ всякаго сброда остатки. Обид-

но за польскія святыни—если К. будетъ упорно обороняться, то долженъ неминуемо пострадать отъ артиллерійскаго огня.

У меня все благополучно. Здоровъ и веселъ. Каждый день вспоминаю о васъ.—„Банзай“ нашему японскому союзнику!

10.

15 ноября 1914 г.

Сегодня шестой день я лежу въ постели и все еще очень слабъ и едва брожу. Я получилъ довольно серьезную контузію отъ пролетѣвшаго надъ самой моей головой шестидюймоваго снаряда. 9-го ноября австрійцы открыли по нашей ротѣ адскій огонь. Съ 11-ти часовъ утра и до 6-ти вечера непрерывно засыпали они насъ шестидюймовыми гранатами, меленитовыми бомбами и шрапнелью. Только по милости Божіей рота не несла потерь, такъ какъ поле впереди и сзади линіи нашихъ окоповъ было буквально вспахано непріятельскими снарядами. Всюду зіяли огромныя воронки, валялись стаканы и осколки толщиной въ палецъ. Это былъ сплошной адъ! Послѣдній тяжелый снарядъ пролетѣлъ надъ самой моей головой и разорвался въ землѣ, въ трехъ шагахъ отъ моего окопа. Странно, что сначала я ничего не почувствовалъ, кромѣ легкаго головокруженія и ощущенія, какъ будто голова пухнетъ; но когда я вышелъ изъ окопа и прошелъ нѣсколько шаговъ, то вдругъ упалъ безъ чувствъ. Меня сейчасъ же отнесли въ лазаретъ, гдѣ доктора были очень обезпокоены тѣмъ, что я, придя въ себя, почти не владѣлъ руками и едва могъ говорить. Доктора думали, что у меня сдѣлался параличъ. При всемъ томъ я сохранилъ совершенно ясный разумъ и голова была совсѣмъ свѣжа. Вотъ уже шестой день, какъ я лежу; приказанъ полный покой и отдыхъ и, какъ я ни рвался въ роту, меня не пускаютъ. Собирались даже эвакуировать, но я наотрѣзъ отказался. Теперь съ каждымъ днемъ мнѣ все легче и легче.

Сейчасъ полкъ въ трехъ верстахъ отсюда, на позиціяхъ. Окопы наши подходятъ на 300—400 шаговъ къ окопамъ противника, который крѣпко засѣлъ въ заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ. Мы однако сильно его тѣснимъ и мало-по-малу, несмотря на превосходство ихъ силъ на данномъ фронтѣ, забираемъ все больше и больше пространства.

Наступили холода, доходящіе до 10 градусовъ. Въ окопахъ

было мучительно холодно. Ружейная трескотня идетъ день и ночь, при чемъ ночью австрійцы стрѣляютъ исключительно разрывными пулями.

11.

19 ноября 1914 г.

Хотя я писалъ тебѣ всего нѣсколько дней тому назадъ, но пользуюсь очередной оказіей, чтобы отвѣтить на твое письмо, которое только-что получилъ. Здоровье мое значительно улучшилось, и сегодня я уже совсѣмъ собрался въ окопы, но батальонный командиръ велѣлъ еще посидѣть „дома“, чтобы окончательно окрѣпнуть. Вчера въ мою хижину влетѣла австрійская граната, но бѣдъ не надѣлала! У нихъ тутъ масса шпионовъ, которые усердно сообщаютъ имъ о нашихъ дѣйствіяхъ. Одного мы поймали, когда онъ по телефону, спрятанному въ погребѣ, сообщалъ о переѣздѣ нашей батареи. Его тутъ же и повѣсили съ телефономъ въ рукахъ. Какая подлость, будучи „некомбатантомъ“ выдавать людей! А этотъ разговоръ по телефону стоилъ жизни одному артиллерійскому офицеру и шести нижнимъ чинамъ, убитымъ на наблюдательномъ пунктѣ.

Сидимъ пока-что на тѣхъ же позиціяхъ вотъ уже третью недѣлю. Мы приковали къ себѣ австро-венгерскую армію. Происходитъ вялая перестрѣлка; иногда австрійки швыряютъ въ насъ двѣнадцатидюймовыми гранатами вѣсомъ пудовъ по 20-ти. Пока онѣ еще не причиняли намъ особаго вреда.

12.

10 декабря 1914 г.

Въ послѣднее время я не имѣлъ возможности давать о себѣ знать часто, такъ какъ мы стояли въ ужаснѣйшихъ условіяхъ и совершенно оторванные отъ какой бы то ни было культуры. Первый разъ съ начала войны насъ взяли въ резервъ, и мы теперь стоимъ недалеко отъ В., куда я ѣду сегодня мыться, чиститься и приводить части своего туалета въ порядокъ. Ты не можешь себѣ представить, въ какихъ я хожу лохмотьяхъ. Штаны грязные, заштопанные и все-таки съ дырками. Китель весь въ заплаткахъ; фуражка едва держится на головѣ. Съ мѣсяцъ, если не болѣе, я хорошенько не мылся. О солдатахъ и не говорю. Нужно надѣяться, что намъ дадутъ болѣе или менѣе продолжительный отпускъ и что мы успѣемъ „подчиниться“. Кто бы узналъ теперь блестящую гвардію по ея внѣшнему

виду? Къ счастію, за насъ говорятъ наши дѣла. Здоровье мое гораздо лучше, и я чувствую себя почти такъ же, какъ и до контузіи.

13.

12 декабря 1914 г.

Поздравляю тебя съ великимъ праздникомъ Рождества Христова, который въ этомъ году провожу еще дальше отъ тебя, чѣмъ въ прошломъ. Нигдѣ, какъ на войнѣ, не чувствуешь такъ сильно всѣ прелести тихой домашней жизни; нигдѣ такъ не ощущаешь своего одиночества. Ревностно занимаюсь службой, приведя роту въ порядокъ. Л. прекрасный начальникъ—ровный, спокойный, отзывчивый, онъ сумѣлъ изъ батальона создать тѣсную, дружную семью. Мы очень его уважаемъ и какъ человека, и какъ начальника.

Живемъ въ деревнѣ по халупамъ. У меня очень чистая и со всей возможной уютностью устроенная комната, гдѣ со мной квартируетъ мой субалтернъ и еще одинъ офицеръ. Сейчасъ сижу одинъ, такъ какъ оба „прапора“ уѣхали въ В.

Всѣ, кто можетъ и чувствуетъ себя въ силѣ выдержать тяжести военно-походной жизни, идутъ и уже теперь отказываютъ добровольцамъ и охотникамъ—такъ ихъ много.

14.

26 декабря 1914 г.

Насъ совершенно неожиданно тронули изъ окрестностей Г. 23-го декабря. На повѣздахъ доставили въ В., гдѣ мы провели 24-е число. Ъздили въ городъ, гдѣ былъ обѣдъ и устроена была крошечная елка. 25-го утромъ выступили въ походъ.

Здоровье мое совсѣмъ хорошо. Головокруженія почти прошли и только если очень устаю, то голова начинаетъ кружиться. Къ намъ прислали молодыхъ офицеровъ. Я получилъ въ свою роту подпоручика К., сына портъ-артурскаго героя.

15.

4 января 1915 г.

Сейчасъ мы находимся въ резервѣ и обучаемъ молодежь, только-что пришедшую изъ запаснаго батальона, гдѣ они провели очень короткій срокъ. Народный откликъ на страданія родины выразился какъ нельзя лучше на новобранцахъ. Духъ у нихъ прекрасный и они прилагаютъ всѣ старанія къ быстрому усвоенію основъ военной службы.

Здоровье мое совсѣмъ хорошо. Всѣ явленія послѣ контузіи прекратились и болѣе двухъ недѣль уже не повторялись.

Новый годъ встрѣтили довольно весело. Мы даже получили по рюмкѣ шампанскаго, что очень большая роскошь въ виду строгости анти-алкогольныхъ правилъ. Всѣ у насъ поголовно этимъ правиламъ сочувствуютъ—страшно подумать, сколько зла надѣлала бы водка на войнѣ и сколько лишнихъ заботъ и передрагъ, теперь невозможныхъ. Если бы разъ навсегда уничтожить всякую продажу вина, никто, кажется, не былъ бы недоволенъ. Это величайшее событіе послужитъ къ возвеличенію Имени нашего Государя!

Больше писать нечего. Жизнь течетъ такъ однообразно, что каждый день похожъ на предыдущій и на послѣдующій. Времени скучать однако нѣтъ—много занятій, а по вечерамъ слушаемъ музыку—здѣсь на нашу радость наплась рояль. Рано ложимся спать, рано встаемъ.

16.

21 января 1915 г.

Пользуюсь очередной оказіей, чтобы послать тебѣ письмо. Новостей у насъ никакихъ—все идетъ по-старому. Обучаемъ молодыхъ солдатъ, и мнѣ пріятно видѣть, какъ они мало-помалу шлифуются, выравниваются, дѣлаются болѣе смѣлыми въ отвѣтахъ и движеніяхъ.

На-дняхъ видѣлъ Герцога Михаила Георгіевича; онъ пріѣзжалъ сюда съ корпуснымъ командиромъ производить осмотръ матеріальной части полка. Онъ теперь инспекторъ артиллеріи гвардейскаго корпуса.

Нѣсколько времени тому назадъ ѣздилъ въ Радомъ, гдѣ мылся въ прекрасномъ поѣздѣ-банѣ. Это послужило главной причиной моей простуды, которая три дня продержала меня дома. Сегодня выхожу въ первый разъ.

17.

1 февраля 1915 г.

дер. Рогинице.

Мы стоимъ теперь верстахъ въ 30-ти отъ границы Восточной Пруссіи, и я надѣюсь, что насъ туда поведутъ. Интересно будетъ побывать у нѣмцевъ. Пусть они берегутся — мы слишкомъ хорошо помнимъ горящія польскія села, разстрѣлянныхъ мирныхъ жителей, чтобы наше пребываніе у „пруссакъ“ сошло для него благополучно. Конечно, мы не нѣмцы, и мирные крестьяне могутъ не бояться за свою жизнь до тѣхъ поръ, пока они сидятъ смирно.

Изъ того, что мы здѣсь, ты видишь, какъ двигаютъ гвардію. Мы заслужили свою славу твердыхъ и непоколебимыхъ полковъ, такъ что даже нѣмцы избѣгаютъ съ нами сталкиваться. Это не пустякія слова, а видно изъ ихъ захваченныхъ приказовъ. Подъ Яновымъ нѣмцы бѣжали передъ нами, какъ куропатки; кромѣ ихъ спинъ мы ничего не видали — при чемъ они бросили корпусный транспортъ въ 1.500 повозокъ.

Настроеніе японцевъ насъ очень интересуеть: они большіе молодцы и вѣрные союзники.

18.

18 февраля 1915 г.

Пишу тебѣ въ воинственной обстановкѣ — окопа-землянки. Холодъ собачій, и я едва вожу перомъ, но завтра оказія въ Петроградъ, и я хочу написать тебѣ нѣсколько словъ. Съ 3-го февраля мы въ бою. Нѣмцы навалились большими силами и вначалѣ энергично наступали, но теперь ихъ отовсюду отбили и они принуждены убраться во-свояси. За послѣдніе дни наша армія забрала болѣе десяти тысячъ плѣнныхъ и много орудій и матеріальной части; какъ видишь, дѣла идутъ отлично.

На-дняхъ получилъ твое письмо; оно дошло до меня въ мѣсяцъ, что случается въ первый разъ за все время войны. Вообще почта доходитъ теперь много аккуратнѣе, чѣмъ прежде — наладилось дѣло. Изъ Москвы письма доходятъ на восьмой день.

Теперь стоятъ довольно рѣзкіе холода; выпалъ снѣгъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и установилась зима такая, какой до сихъ поръ не было. Въ окопахъ холодно — люди мерзнутъ и, конечно, не мало заболѣваний отъ простудъ. Всѣ ждутъ наступленія весны съ нетерпѣніемъ. Ужъ очень холода эти надоѣли.

3*

19.

1 марта 1915 г.

Была очень холодная ночь, говорятъ до 16 градусовъ мороза, а днемъ стало таять — тоже не особенно пріятно, такъ какъ окопы наполняются водой, бруствера сползаютъ и приходится все время чинить ихъ подъ обстрѣлами. Вчера я подвергся обстрѣлу тяжелой германской артиллеріи въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Было ужасно смотрѣть на разорванныя тѣла, ужасныя раны, слушать раздирающіе душу крики и стоны раненыхъ и не быть въ состояніи чѣмъ-либо помочь. У меня выбыло 20 человекъ, изъ нихъ 6 убитыхъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ натягиваются нервы, какая беспильная злоба клокочетъ въ груди въ такіе часы.

Отдыха у насъ мало; три дня сидимъ на позиціи, а затѣмъ на сутки уходимъ въ резервъ. И такъ съ 3-го февраля безъ передышки.

20.

9 марта 1915 г.

Христось Воскресе! Желаю тебѣ бодро встрѣтить Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія. Какъ его буду встрѣчать я — не знаю еще. Мы все на позиціяхъ. Сегодня я на короткомъ отдыхѣ и пользуюсь случаемъ, чтобы немного заняться своими письмами. Послѣдніе дни погода выдѣлываетъ съ нами самыя невѣроятныя фокусы. Все время дуетъ сильный вѣтеръ, временами переходящій въ бурю. По очереди морозъ съ сильнѣйшимъ снѣгомъ или тепло съ пронизывающимъ дождемъ. Земля размокла, грязь по колѣно — ты видишь отсюда картину нашей жизни въ окопахъ. Все время приходится или откапывать снѣгъ или отводить воду! Нѣмцы не проявляютъ никакой дѣятельности. Только нашъ лѣвый батальонный участокъ постоянно подвергается обстрѣлу тяжелой нѣмецкой артиллеріи — чемаданами. Туда-то я иду сегодня вечеромъ. Всюду наши дѣла идутъ успешно — черезъ Ломжу провезли 26 тяжелыхъ германскихъ пушекъ и нѣсколько десятковъ пулеметовъ. Я теперь командую ... ой ротой, командиръ которой мой другъ и однокашникъ по лицу убитъ 20-го февраля. Миѣ было очень грустно уходить изъ роты Е. В., къ которой привыкъ и гдѣ я хорошо зналъ всѣхъ людей. Въ новой же я еще никого не знаю, и миѣ приходится въ нѣсколько разъ больше провѣрять и распоряжаться, и кромѣ того, у меня вновь назначенные субалтерны.

21.

18 марта 1915 г.

Съ 13-го мы въ резервѣ, но если все пойдетъ благополучно, то Пасху встрѣтимъ на отдыхѣ. Уже теперь идутъ приготовления — закупаютъ всякую провизию — творогъ, муку, цукаты и т. п. Все это высылается намъ или изъ Варшавы, или даже изъ Петрограда. Стоитъ чудная теплая весна. Сегодня 12 градусовъ тепла на солнцѣ. Многое можно простить неудобствамъ военно-походной жизни изъ-за того, что все время живешь на лонѣ природы, все время любишь красотами, которыя недоступны кисти самаго гениальнаго художника. Только Богъ можетъ создать такую красоту и велико Его благодѣяніе, что намъ предоставлено любоваться Его твореніемъ.

Паденіе Перемышля и бомбардировка Босфора нашимъ Черноморскимъ флотомъ подняли настроеніе среди насъ до высшей точки. Со временъ Князя Игоря Владиміровича Босфоръ былъ неуязвимъ для нашего оружія, и вотъ, тысячу лѣтъ спустя, русскій стягъ опять направляется туда, куда его зоветъ исторія и завѣтъ нашихъ предковъ.

22.

23 марта 1915 г.

Сегодня мы идемъ на позиціи смѣнять Л. Г. С—ій полкъ. Отдохнули хорошо. Нашъ хозяинъ-помѣщикъ оказался очень гостепріимнымъ и любезнымъ, и мы чувствовали себя какъ дома. Пора и честь знать. Тутъ стоитъ прекрасная весна: птицы поютъ, появились первые жуки и бабочки, тепло и даже иногда жарко. Подарковъ намъ послали кучу.

23.

3 апрѣля 1915 г.

Вчера и третьяго дня стояли въ резервѣ, но вчера утромъ нѣмецкая тяжелая 8-ми дюймовая батарея стала по указаніямъ своего аэроплана обстрѣливать нашу батарею, стоявшую въ 100 саженьяхъ впереди землянокъ, гдѣ помѣщалась часть батальона, и всѣ снаряды падали къ намъ, и мы совсѣмъ зря потеряли 25 человекъ, изъ нихъ 5 убитыми, среди послѣднихъ фельдфебель роты, потеря котораго очень чувствительна.

Теперь я стою на позиціи въ резервѣ батальона въ поки-

нутой жителями деревнѣ, и надо мной наша артиллерія обстрѣливаетъ нѣмецкій аэропланъ, который пытается пролетѣть къ нашимъ батареямъ. Если ему это удастся, то онъ выпускаетъ надъ ними особыя змѣйки и этимъ указываетъ расположеніе. Нужно отдать справедливость нѣмецкимъ летчикамъ—они работаютъ необыкновенно смѣло, самоотверженно и хорошо. Однако многіе изъ нихъ погибли.

Тутъ стоитъ весна, которая изрѣдка угощаетъ насъ холодами и непогодой; но все же дѣло идетъ къ лѣту—поля зеленѣютъ, птицы поютъ съ каждымъ днемъ все громче и громче, и, несмотря на тягости войны, у насъ настроеніе весеннее.

24.

12 апрѣля 1915 г.

Пишу тебѣ изъ окоповъ. Моя рота въ батальонномъ резервѣ, и здѣсь относительно спокойно. Намъ, къ сожалѣнію, перемѣнили участокъ, и здѣсь много хуже, чѣмъ тамъ, откуда я тебѣ писалъ прошлый разъ. Но и тутъ не плохо. Завтра смѣняю роту 2-го батальона въ 30-ти верстахъ отъ противника. Придется быть очень осторожнымъ.

Стоитъ чудная весна; на солнцѣ жарко, поля зеленѣютъ, почки набухаютъ; вообще прелестно! Какая это милость Бога, что намъ дано созерцать Его величіе въ природѣ, оживающей подъ ласками весенняго солнца!

Сейчасъ выходилъ смотрѣть на германскій аэропланъ. Это удовольствіе намъ предоставляется даромъ каждый день. Иногда они появляются цѣлыми десятками. Сегодня въ 5 часовъ утра видѣли цеппелина. Онъ летѣлъ въ верстахъ 15-ти отсюда и казался величиной въ большую сигару. Тотъ хищникъ боится и артиллеріи и аэроплановъ и предпочитаетъ дѣйствовать ночью. Я думаю, что сегодняшній возвращается съ какого-нибудь темнаго дѣла и разсвѣтъ застанетъ его на пути домой.

25.

17 апрѣля 1915 г.

Третьяго дня я былъ вновь контуженъ тяжелымъ германскимъ снарядомъ, разорвавшимся въ трехъ шагахъ отъ меня. Такая близость спасла меня отъ осколковъ, но „шокъ“ я получилъ порядочный и легкія ссадины на головѣ и рукахъ. Я, конечно, остался въ строю.

Я занималъ участокъ на правомъ флангѣ, который подходилъ къ нѣмцамъ на 50 шаговъ, а лѣвый отстоялъ на 500 — 600. Такимъ образомъ у меня съ праваго фланга, гдѣ бросали бомбы, и до лѣваго—были всѣ удовольствія, какія только можно желать на войнѣ,—т.-е. бомбы, пули, пулеметы, шрапнель, полевныя гранаты и чемоданы.

Третьяго дня ночью у нѣмцевъ два раза поднималась паническая стрѣльба и трескъ отъ нея былъ прямо неописуемъ.

Посылаю тебѣ два снимка, сдѣланныхъ моимъ аппаратомъ—раздача пасхальныхъ подарковъ (большія бѣлыя коробки въ рукахъ нижняго чина—бѣлье и фуфайки). Въ центрѣ группы графъ Л., затѣмъ командиръ 16-ой роты поручикъ М., я, а изъ-за меня смотритъ командиръ 14-ой роты поручикъ Х. На другомъ снимкѣ я играю въ городки въ лѣсу, въ 1.000 шагахъ отъ нѣмцевъ.

П. М.-М.

